

⁴³ См.: Евзлин М. Указ. соч., 151; ср. там же – "Сознание, по сути дела, означает искусственный разрыв в безразлично-правильной циркуляции природы".

⁴⁴ О.Н. Трубачев (Указ. соч. 156–157) правильно указал один из принципов дифференциации двух глаголов знания – и.е. **g'en-* и *ȝeid - : *ȝoid - (*ȝid -) : **g'en-* преимущественно имеет своим объектом человека, *ȝoid – (др.-греч. οἴδα and др.) – вещь. Но в этой дифференциации можно усмотреть действие и более "сильного" первоначального принципа. В данном случае речь идет о двух разных видах знания, которые вполне осознавались в архаичных культурах. *ȝeid – знание по своей сути эмпирически, пассивно, лишено творческого начала. Его принцип – увидел (*ȝid –) ⊃ узнал (*ȝoid –) и как бы – так и остался с этим видением-ведением без всякого прибытка. **G'en-* знание – совсем иное: оно предполагает (в принципе) отсутствие зрякой эмпирии, формулирование задачи со стороны **g'en-*-субъекта, т.е. человека, рефлексию, представление "познаваемого" как вопроса-проблемы (др.-греч. πρόβλημα тоже несет в себе идею выступления вперед, заострения-прокола, броска-прорыва, ср. βλέμεσθαι, βλῆμα и т.п.), на который должен быть найден в результате некоей творческой, индивидуальной процедуры ответ. Такое **g'en-*-нахождение и образует **g'en-*-рождение ответа, решение проблемы. Нужно также иметь в виду и другие виды знания, по-разному кодируемые и на языковом уровне нередко пользующиеся общими с другими видами знания обозначениями, – знание в результате обучения (не самообучения!), знание-память, знание по наитию ("мистическое" знание). Во всех этих "знаниях" роль человека пассивна: он лишь восприемник знания "со стороны" или хранитель "неподвижного" и "овеществленного" знания. Это не означает, что такое знание не может стать ступенью к пространству "творческого" знания.

Эти соображения – результат тех плодотворных импульсов, которые воспринял пишущий эти строки из давней работы О.Н. Трубачева.

Г.А. Климов

КАРТВЕЛЬСКОЕ **USX(O)-* ‘БЫК (ЖЕРТВЕННЫЙ)’ ~ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ **UKS-ON-*

Сближаемая в настоящей статье с индоевропейским материалом картвельская лексема засвидетельствована в грузинском и сванском языках – ср. др.-груз. *usx-* при сван. *usxwāj* (с вариантами) – и, как следует уже из ее семантики, служит, по-видимому, одним из характерных терминов, относящихся к области дохристианских ритуалов древних картвелов.

Слово документировано в древнегрузинских письменных памятниках и засвидетельствовано, в частности, еще в тексте перевода Библии. Ср. *usxebi čemi ... damiklav* ‘тельцы мои заколоты’ Мф 22₄; *daqla qari igi usxi mataman šenman ...* ‘отец твой заколол откормленного теленка...’ Лк 15₂₇ (как видно из последнего примера, оно имело и атрибутивное употребление, чем, вероятно, и обусловлен встречающийся иногда его перевод адъективом ‘откормленный’)¹. Однако даже в древнегрузинском языке его трудно считать широко употребительным, поскольку по своей встречаемости оно значительно уступает близкому ему по семантике *zuarak-*. В дальнейшем с забвением самого ритуала жертвенного заклания исконное значение лексемы несколько затемняется, так что в первом толковом словаре грузинского языка, принадлежащем Сулхану Саба Орбелиани и

тражающем узус конца XVII столетия, она толкуется как ‘корова, скормленная на убой’². На правах архаизма она до настоящего времени встречается в отдельных горских диалектах: ср., например, рачин. *isx-нель*³. Во всяком случае, на более широкое распространение термина грузинских диалектах в прошлом, по-видимому, указывает производное от него *sa-osx-e-j* ‘животное, предназначеннное на убой’, отмеченное на северо-востоке грузинской языковой области – в тушинском диалекте⁴.

Если в ареале обоих занских языков, как того и можно было ожидать, эквивалент грузинской лексемы не прослеживается, то в сванском, напротив, ее соответствие по сей день представлено в нескольких диалектных разновидностях: ср. *isxwaj* (лашх.), *isxwāj* (в.-бал.) и *wisxw-* (н.-бал.), служащее обозначением жертвенного быка до четырех лет⁵. В лашхском диалекте зафиксированы также позднейшее производное *isxwob-* ‘праздник приношения жертвенного быка’ и дальнейшие образования *isxwobier-* ‘дни, посвященные празднику приношения в жертву быка’ и *isxwob-ladey-* ‘день соответствующего праздника’, детальное описание которого обнаруживает ныне и немалый вклад в него со стороны христианских обычаем⁶.

Нетрудно показать, что все сванские вариации слова достаточно древние и прошли, в частности, стадию умлаутизации. Так, н.-бал. форма является конечным результатом фонетического процесса **isx-* > **üsx-* > *wisxw-*. О том же говорит и гайд *w* других сванских форм. Высказывалось мнение о зависимости сванского слова от грузинского источника⁷.

Рассматриваемая лексема обозначает, как свидетельствует этнография, одну из существенных реалий, отражающую древнейшие верования картвелов и находящую свои параллели едва ли не во всем регионе древней Передней Азии. Как известно, следы ритуала заклания жертвенного быка, посвященного тому или иному божеству, отчетливо представлены в самых различных районах Закавказья и документально зафиксированы многочисленными урартскими памятниками. Наиболее убедительным свидетельством издревле практиковавшегося в Закавказье ритуала может служить находка в культовом сооружении комплекса III тысячелетия до н.э. Квачхеби скелета пронзенного стрелой теленка⁸.

“К *wisxw*-ам, – пишет в связи с соответствующим сванским обрядом В.В. Бардавелидзе, – относились как к священным животным с момента их появления на свет или посвящения. Их окружали определенными запретами. *Wisxw*-а нельзя было помянуть дурным словом, замахнуться на него, тем более – ударить чем-либо, ограничить его свободу, противостоять его желаниям. Он мог зайти в посевы, затоптать ниву, но ни хозяин и никто другой не смел пожаловаться на это. *Wisxw*-а не холостили и не впрягали в ярмо. Предоставленный самому себе бугай дичал, бодался, нападал на людей и наносил им подчас тяжелые ранения. В то же время общество, в котором имелся *wisxw*, считало себя защищенным от злых духов. Хозяин стада, к которому он приставал, по народным представлениям, был облагодетельствован этим, впредь его домашние животные были ограждены от болезней, падежа и всяких бед. Кроме того, *wisxw* способствовал размножению животных, увеличению уюта и всякого добра”

в хозяйстве свана"⁹. Во многом сходные представления о статусе такого бычка можно найти также в существующих описаниях аналогичного абхазского ритуала, связанного с коровой, посвященной той или иной святыне¹⁰.

Если учесть, что наше слово относится к терминологии дохристианских верований картвелов, в то время как сколько-нибудь заметное воздействие грузинского языка на сванский должно было начаться только в похристианскую эпоху, то скорее всего оно должно быть признано древнейшим достоянием картвельских языков и может быть возведено к архетипу **isx(o)*.

Еще до разработки современной теории картвельского корня, обнаруживающей очевидное несоответствие фонологической структуры рассматриваемого слова его канонической модели, был предложен опыт его этимологического толкования на картвельской почве. Он сводится к трактовке грузинской лексемы как исторического причастия со значением отсутствия качества, образованного с помощью характерного для подобных дериватов привативного префикса *и-* от картвельской глагольной основы **s₁x-* в ее частном значении 'рождать во множестве (о животных)'. Однако такое объяснение слова, фактически восходящее к его членению, намеченному еще в начале нашего столетия В. Беридзе¹¹, по справедливому замечанию И.И. Кавтарадзе, наталкивается при всей своей заманчивости на серьезные трудности¹².

Действительно, при ближайшем рассмотрении выясняется, что предложенному решению противоречат как семантическая, так и фонетическая стороны слова. Так, с точки зрения семантики существенно, что оно, как об этом свидетельствуют древнегрузинские и сванские данные, исторически связано с обозначением не коровы, а быка или подросшего бычка, во-первых, а также то, что глагольная основа **s₁x-* является плюральной, т.е. подразумевающей рождение некоторого множества животных, оказываясь, таким образом, неприменимой по отношению к корове, во-вторых. В то же время в формальном плане при пракартвельской основе **s₁x-* в сванском, подобно занскому, ожидался бы ее закономерный рефлекс в виде *ხ-* (ср. груз. масдар *ხთა-* при мегр. *შქთა-*).

В этих условиях возникает возможность сопоставления общекартвельского архетипа **isx-* на правах древнего заимствования с одним из широко распространенных индоевропейских названий быка **uk^us - en -*, которое находит свои продолжения в др.-инд. *ikṣan-*, авест. *ixšan-*, тохарском В *okso* 'Zugochs, Rind, Stier', др.-в.-нем. *ohso*, др.-исл. *oxi*, кимр. *uch*, не получая, однако, вполне однозначного этимологического решения в науке.

В большинстве работ, отражающих индоевропеистическую традицию, эту лексему рассматривают в качестве именного производного от глагольной основы **uk^us* - 'влажный, смачивать' (Pokorný I, 1118). Однако охарактеризованные выше картвельские данные более интересны в свете известного уточнения истории слова, предполагающего первоначальную связь индоевропейского обозначения

быка с другой основой. Имеется в виду получившая за последнее десятилетие определенную поддержку гипотеза К. Кинле, согласно которой индоевропейское слово трактуется как производное от глагольной базы *uks- ‘расти, растить’ и первоначально должно было обозначать не племенного быка или осеменителя, а подросшего быка, и лишь впоследствии было сближено с базой *uks[“]. Нетрудно заметить, что предложенное ею толкование лексемы возвращает нас таким образом к мнению А. Мейе, предполагавшего, что рассматриваемое обозначение быка может представлять собой его древний эпитет типа ‘возвращаемый’¹³.

С таким решением как будто согласуются данные большинства конкретных ветвей индоевропейских языков и, в частности, засвидетельствованная в ряде случаев семантика продолжений слова. Так, К. Кинле в ходе специально предпринятого филологического исследования обратила внимание на факт отсутствия в индоиранском материале бесспорных следов глагола ‘прыскать, брызгать’ и, напротив, зафиксировала широкую представленность глагола ‘расти, растить’ (ср. др.-инд. *vakṣ* : *ukṣ* при авест. *vaxš* : *ixš*). Например, в текстах Ригведы *ukṣan* фигурирует не как ‘племенной бык’, а как ‘подросший бычок в возрасте между 5–9 годами, который используется как Opfer-, Speise- или Zugtier’¹⁴. Семантику индоарийского слова М. Майrhoфер также передает как ‘Jungstier, Farren’, nicht ganz erwachsener Stier, der seine Zeugungsfähigkeit noch nicht unter Beweis gestellt hat (Mayrhofer I, 3, 210). Отмечают также, что германские когнаты слова почти всегда обозначают подросшего кастрированного бычка¹⁵. Сходная семантика ‘Zugochse’ приписывается также тохарскому соответствию слова¹⁶.

В связи со сказанным следует подчеркнуть, что практика откармливания бычков для последующего ритуального заклания являлась одним из характерных обычаев древних индоевропейцев¹⁷. Зафиксирован и факт распространения индоевропейского слова на правах культурного заимствования в другие языки. Так, к древнему индоевропейскому источнику принято возводить волж.-perm. **uška//oška* ‘бык, бычок’¹⁸. Ср. также восходящее, как полагают еще со времени Б. Мункачи, к тохарскому В *okso* соответствующее тюркское слово¹⁹.

Если индоевропейское слово первоначально действительно обозначало подросшего бычка, то его картвельский аналог не только в формальном, но и в семантическом аспекте оказывается очень близким к предполагаемому нами его индоевропейскому антецеденту и по существу поддерживает гипотезу К. Кинле.

В пользу большой давности заимствования слова можно привести несколько аргументов. Так, должно быть очевидным, что в семантическом плане уже сам характер обозначаемой им реалии свидетельствует о принадлежности этой сохранившейся ныне лишь в горном ареале лексемы к терминологии дохристианских верований картвелов. Об этом же, вероятно, говорит и более архаичная семантика картвельских форм по сравнению с упомянутым их финноугорским параллелизмом. Однако более показательными в этом отношении

представляются некоторые обстоятельства формального порядка. Во-первых, фонетическая история картвельского слова обнаруживает интересные аналогии с процессами, отмеченными для бесспорного общекартвельского индоевропеизма **otxo-* ‘четыре’:ср., в частности, передачу и.-е. *k* в виде *x*, а также сходную метатезу в консонантном комплексе. Во-вторых, бросается в глаза, что по сравнению с близкими к слову индоиранскими формами в нем налицо свистящее *s*, хронологически предшествующее его шипящему аналогу, представленному в индоиранском материале (в котором процесс *s > š* происходил в соседстве с гласным *u*). Отметим, наконец, что в картвельском слове допустимо и отражение древнего индоевропейского суффиксального элемента, о чем способен свидетельствовать исход его сванских форм.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Абуладзе И.В. Словарь древнегрузинского языка (материалы). Тбилиси, 1973, 433 (на груз. яз.).
- ² Орбелашвили Сулхан-Саба. Сочинения. Т. IV₂. Тбилиси, 1966, 171 (на груз. яз.).
- ³ Беридзе В. Грузинский (картвельский) глоссарий по имерскому и рачинскому говорам // Материалы по яфетическому языкознанию. VI. СПб., 1912, 52 (на груз. яз.); Глонти А.А. Словарь грузинских народных говоров. Тбилиси, 1984, 527 (на груз. яз.).
- ⁴ Утургайдзе Ф.Г. Тушинский диалект. Тбилиси, 1960, 209 (на груз. яз.).
- ⁵ Mapp Н.Я. Извлечение из сванско-русского словаря // Материалы по яфетическому языкознанию. Х. Петроград, 1922, 10; *Gudjedjiani Ch., Palmaitis L. Svan-English dictionary*. New-York, 1985, 262.
- ⁶ Онишвили А.З., Калдани М.М., Онишвили А.Л. Сванские прозаические тексты. IV. Лашский диалект // Материалы для изучения картвельских языков. VII. Тбилиси, 1979, 270–274 (на груз. яз.).
- ⁷ Каутарадзе И.И. Дефектные глаголы в отношении числа в древнегрузинском языке // Иберийско-кавказское языковедение. I. Тбилиси, 1946, 147 (на груз. яз.); Керкаадзе И.К. Зоологическая лексика в древнегрузинском литературном языке. Тбилиси, 1974, 38 (на груз. яз.).
- ⁸ Киквидзе И. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси, 1976, 100 (на груз. яз.).
- ⁹ Бардавелидзе В.В. По этапам развития древнейших религиозных верований и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, 199.
- ¹⁰ Ср.: Адлейба Е.А. Жертвенное животное в культе святыни фамилии Адлейба в Абхазии // Этнографические параллели. Материалы VII республиканской сессии этнографов Грузии. Тбилиси, 1987, 118.
- ¹¹ Беридзе В. Указ. соч., 52.
- ¹² Каутарадзе И.И. Указ. соч., 147.
- ¹³ Meillet A. Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. Paris, 1934, 393.
- ¹⁴ Kiehnle C. Vedisch *ukṣ* und *ukṣ/vakṣ*. Wortgeschichtliche und exegetische Untersuchungen // Alt- und Neu-Indische Studien. 21. Wiesbaden, 1979.
- ¹⁵ Ср.: Zimmer St. Idg. *ukson // KZ Bd. 95, № 1, 1981, 85–86.
- ¹⁶ Van Windekkens A.J. Encore lat. *uxor* et i.-e. **ukson-* // KZ Bd. 97, H. 1, 1984, 97.
- ¹⁷ Mayrhofer-Passler E. Haustieropfer bei den Indoiranern und anderen indogermanischen Völkern // AOr XXI, 1953, 182–183.
- ¹⁸ Joki A.I. Uralier und Indogermanen. Die ältesten Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. Helsinki, 1973, 334.
- ¹⁹ Рона-Таш А. Алтайский и индоевропейский (заметки на полях книги Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова) // ВЯ. 1990. № 1. 30.